Добавил(а) Александр Торопцев
10.01.18 14:22

Александр Торопцев

Писатель и герой русской детской литературы и литературы о детях после 1917 года: эволюция взаимоотношений

Глава I. Вводная, но необходимая глава

«Венец творения» и его дети

У детских писателей проблем гораздо больше, чем у всех остальных литераторов и всех, кто занимался в XX веке детством.

До сих пор, например, никто на Земном шаре толком не разобрался в ребенке – человеке еще не взрослого возраста, но уже читающего, либо пока слушающего,

Никто с математической точностью не ответил на великое множество вопросов, касающихся данной темы, которые начинаются с того самого момента, когда Бог решил даровать миру Человека, Адама с Евой. Вспомним «Книгу Бытия»:

«Глава 1. 24. И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ея, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так.

25. И создал Бог зверей земных, по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо.

26. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, (и) по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, (и над зверями,) и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.

27. И сотворил Бог человека, по образу Божию сотворил его, мужчину и женщину сотворил их.

28. И благословил их Бог, и сказал и Бог: плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими (и над зверями), и над птицами небесными (и над всяким скотом, и над всею землею). И над всякими животными, пресмыкающимися по земле…

31. И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестый». (Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхаго и Новаго Завета. 1. Бытие - Притчи Соломона. Петербург. 1904-1907. Второе издание: Институт перевода Библии. Стокгольм, 1987. С. 12-13)

Здесь, на мой взгляд, важны несколько моментов для осмысления воистину глубинных проблем детской литературы.

1) Вплоть до сотворения зверей земных, скот, всех гадов земных Бог после каждого акта творения осматривал его и делал вывод «И увидел Бог, что это хорошо». Но после акта творения человека это Ему не понадобилось. Почему? Видимо, потому что «по образцу и подобию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их», а если по своему образцу, то вроде бы и смотреть незачем: ясно, что хорошо. Это ясно Богу, а человеку, то есть, нам, например, людям Двадцать первого можно ли однозначно ответить на этот вопрос, если вспомнить все, содеянное людьми хотя бы за несколько предыдущих тысяч лет их существования на Земле? Справедливости ради, стоит признать, что Бог увидел, что все, что он создал, хорошо весьма. Эта фраза в «Книге Бытия» вроде бы

развенчивает мои сомнения по поводу того, хорош был человек, или не очень хорош: если целое хорошо, то и все его части хороши. Но, как мы знаем, например, из истории войн, или спортивных командных игр, эта формула далеко не всегда верна. Однажды меня признали лучшим вратарем хоккейной команды. Мы выигрывали у всех под ноль. Игры у моих ворот, практически, не было. Ни одного броска - ни одной шайбы. Но вратарем я был плохим. Бывают и довольно часто другие примеры из этой серии. Почему же, сотворив человека, между прочим, мужчину и женщину, Бог не решился удостовериться: хорошо это или плохо? Впрочем, в этом эпизоде есть куда более важная для детской литературы, для воспитания подрастающего поколения проблема.

2) Бог почему-то создал человека сразу взрослым: и мужчину и женщину. Почему? Я не могу ответить на этот вопрос, но не поэтому ли вот уже несколько тысяч лет мы, люди, потомки Адама и Евы, никак не решим одну из главных наших задач по воспитанию и образованию подрастающего поколения? И не поэтому ли мы мыкаемся все это время в поисках путей развития детской литературы, как одного из главнейших факторов «детского дела»? Адама и Еву не воспитывали, хороших книжек им не читали, и они, став родителями, просто об этих категориях семейного и социального жития ничего не знали, и это незнание они передали нам!

3). В главе 4 «Книге Бытия» Ева родила Каина, затем - Авеля. И ни слова о тех проблемах, которые волнуют нас. Создается такое впечатление, что Авель стал пастырем овец уже на второй день после рождения. Почему такое пренебрежение к воспитанию?

4). Почему Бог наградил ребенком-недочеловеком человека, которого многие мыслители, атеисты и идеалисты, называют венцом творения? Растительному и животному миру Он дал адекватного «ребенка»: зернышко пшеницы обязательно вырастет пшеницей, змееныш – змеёй, волчонок – волком и так далее в какой бы среде они не вырастали, кто бы их не взращивал, кормил, воспитывал. Только человеческий ребенок, оказавшись, скажем, в волчьей стае, вырастит «нечеловеком» и «неволком», то есть никем. Именно это и имели в виду мыслители (в частности, Аристотель Стагирит), которые говорили, что человек – существо общественное (социальное). Семья, общество, государство делают все, чтобы из недочеловека сделать человека. Эта качественная метаморфоза происходит где-то на 8 – 12 году жизни, когда ребенок превращается, нет, еще не в венец творения, а всего лишь в человека живущего, конкретного, в котором уже сформировалось на всю оставшуюся жизнь и «человеческое, слишком человеческое», и «общественное, слишком общественное». Я подчеркиваю: уже сформировалось! Из сказанного ясно, какую роль в формировании «человеческого, слишком человеческого» и «общественного, слишком общественного» в конкретном ребенке играет слово живое, то есть слово общения человека, людей, общества с

недочеловеком, недолюдьми, и особенно слово литературное.

Двойственная природа человека

Из квантовой физики известно, что свет одновременно обладает свойствами непрерывных электромагнитных волн и дискретных фотонов. Это – так называемая двойственная природа света.

Но и человек обладает двойственной природой, что можно выразить следующей формулой: несмотря на то, что в людях больше общего, чем частного, каждый человек, тем не менее, индивидуален. Человек в себе – корпускула, человек в обществе – волна.

Для любого писателя, рискнувшего осмыслить ребенка в себе и в жизни, важно не просто понимать, знать и, главное, чувствовать эту двойственность природы человека не взрослого возраста, но и динамику «взаимоотношений» в нём и во вне его индивидуального, личностного, и общественного.

Я утверждаю:

- Авторы, писавшие в XX веке детей для детей и взрослых, выполняли заказ Времени, хотели они того или нет, специально или непроизвольно, не важно.

- И Великая Октябрьская Социалистическая революция явилась точно таким же заказом Времени.

Добавил(а) Александр Торопцев
10.01.18 14:22

- Двадцатый век заказал самые мощные в мировой истории социально-политические, социально-психологические, экономические и другие метаморфозы на всём Земном шаре и, особенно, в Московской империи, то есть в СССР.

- Именно поэтому Двадцатый век стал Веком ускорения во всех сферах жизни. В том числе и мощной дифференциации всех сфер жизни.

- Именно поэтому и возникла необходимость дробления многих профессий, в том числе и писательского труда.

- Именно поэтому появилась, а лучше сказать, организационно оформилась детская литература, которая, в свою очередь, стала быстро дробиться и по возрастному принципу, и по другим критериям. В частности, на всем Земном шаре и в Советском Союзе лавинообразно развивались научно-популярная литература, фантастическая литература, приключенческая детская литература. Именно поэтому в конце XX века родилось фэнтези.

- Лучшие произведения мировой и отечественной детской литературы были куда более демократичными, нежели произведения так называемой взрослой литературы.

Для справки. Демократичным я называю такое литературное произведение, в котором автор, герой, или герои, и читатель ведут между собой диалог равных, который внешне (!) лишен педагогических, нравоучительных, поучительных векторов. То есть в демократичном произведении автор, герой, читатель находятся на равном расстоянии друга от друга, не мешая друг другу жить и наслаждаться жизнью, пусть и литературной. Этакий литературный, равносторонний, психологический треугольник.

- В лучших произведениях детской литературы XX века человек невзрослого возраста стал самостоятельным героем.

- Во всех республиках и национальных образованиях Советского Союза родилась и обрела свои особенности своя детская литература.

- Авторами детской литературы становились самые разные писатели и люди, по образованию далекие от литературного труда, о чем чуть подробнее в следующей главе. Сейчас важно напомнить о тех писателях, которые, как мой учитель Роман Семенович Сеф, вынуждены были писать ребенка.

- Детей писали профессиональные детские писатели, а также «взрослые писатели», каждый по своей причине: кому-то хотелось попробовать свои силы в Д. Л., кого-то прельщали гонорары и т.д. В целом эти «взрослые писатели» сказали свое слово в Д. Л., причём некоторые из них сотворили литературные шедевры, к которым я лично отношу рассказы Андрея Платонова» (например «Еще мама»), крохотную повесть А. Гайдара «Чук и Гек», повесть Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая» и т.д.

- Без детей не могли обойтись даже очень «взрослые писатели» хотя бы потому, что любой серьезный многослойный роман трудно себе представить без детей в той или иной роли. Но я в своём исследовании не смог по вполне объяснимым причинам этот аспект творчества.

Глава 2.

Интеллектуальный состав авторов, писавших детей для детей и взрослых после 1917 года

Всего мне удалось отыскать в «Краткой литературной энциклопедии» что-то около 1000

писателей, которые в XX веке либо работали непосредственно в детской литературе, либо, работая во «взрослой литературе», писали, в том числе, и книги о детях, адресованные детям или взрослым.

Из них:

- Учителя школ и других средних учебных заведений: 236

- Филологи: 222

- Выпускники литературного института: 122

- Инженеры, ученые, технари: 92

- Авторы, не получившие высшего образования: 74

- Искусство, живопись, архитектура, театр и кино: 58

- Общественные деятели: 50

- Право, юриспруденция, следственные органы: 36

- Офицеры: 29

- Авторы с философским образованием: 17

- Авторы с историческим образованием: 14

- Медицинские работники: 12

- Авторы с экономическим образованием: 12

- Авторы с музыкальным образованием: 6

- Теологи: 2

- Разные авторы: 24

Эта статистика говорит о том, что детской литературой занимались в большинстве своем профессиональные не профессионалы.

Почти четвертая часть из приведенного выше списка, то есть 236 авторов являлись выпускниками педагогических ВУЗов. Они успешно работали в школах и в других средних учебных заведениях, получили практические навыки, подчеркиваю, *в своей профессии* .
Они любили и любят повторять издателям, а также родителям и бабушкам на

презентациях: «Я очень хорошо знаю ребенка, я проработала в школе 20 лет». Некоторые издатели и добродушные мамы и бабушки «ведутся» на эти высказывания, думая, что уж учителям-то и надо писать книги для детей.

Ещё 222 автора закончили филфаки. И, казалось бы, им, познавшим секреты литературного русского языка, сам Бог велел писать и детей, и взрослых.

Но это не так: и в первом, и во втором случае. И вот почему.

В школе властвует закон. Филология есть наука. Наука призвана искать законы и фиксировать их в формулах.

Создавая художественное произведение, тем более о детях, любой крупный литератор находится в творческом пространстве беззакония. Но как только произведение со всеми авторскими находками выходит в свет, оно, пусть и не сразу, становится законом. Поиск уникального, «штучного», доселе не известного, то есть симпатичного в любом человеке – это искусство. Поиск новых форм выражения своих мыслей, в том числе и уникальных личностных оценок того или иного героя или персонажа, поиск новых, до этого скрытых от ищущего человека пейзажных линий, объемов, глубин – это искусство.

Можно сказать и так: красота – это формула, то есть закон, а симпатичность – это бесконечность в степени бесконечность. Формулу можно найти, а к бесконечно уплывающей от душевного взора в бесконечность Асимптоте Божественного можно только приближаться, понимая при этом, что чем ближе к Ней, тем дальше от Неё, и что между тобой, якобы приблизившимся к Ней на расстояние дружеского рукопожатия и самой Асимптотой жизни больше, симпатичного больше, писательской информации больше, что до этого самого рукопожатия гораздо дальше, чем когда-либо ранее.

Можно сказать и так: закону – формулы, методические пособия, календарные планы и всевозможные указания свыше, а литературе – свобода в поиске уникального, своего.

Наука и искусство – непересекающиеся пространства, хотя здесь следует вспомнить

добрым словом тех писателей, которые закончили-таки педагогические ВУЗы, поработали некоторое время в школе и вдруг ринулись в литературу и стали крупнейшими писателями детства. К таковым я отношу, например, и своих учителей Ю. И. Коваля и С. А. Иванова. Но, конечно же, их было больше. А сколько же? – Максимум, 20-25, ну 30 писателей. Из 458 писателей, закончивших педвузы и филфаки.

Но значит ли это, что советская детская литература была на 90-95% дидактической, педагогичной? И плохо ли это?

Для того, чтобы ответить на подобные вопросы необходимо вспомнить эпохальное для детской литературы в СССР событие и попытаться осмыслить его.

Глава 3. По стопам Сократа

Резолюция XIII съезда РКП (б)

В 1924 резолюция XIII съезда РКП (б) отмечала, что «необходимо приступить к созданию литературы для детей под тщательным контролем и руководством партии, с целью усиления в этой литературе моментов классового, интернационального, трудового воспитания» («КПСС в резолюциях...», 7 изд., 1954, ч. 2, с. 61).

Этот важнейший документ может порадовать всех, кто безоговорочно хулит ВОСР и всё, что было сделано в Советском Союзе, и, вот что обидно, никакие, даже самые объективные аргументы им нипочем. Но мы всё-таки попытаемся разобраться в этом дело.

Добавил(а) Александр Торопцев
10.01.18 14:22

А. Революции не заказываются, как блюда в ресторане;

Б. К 1922 году большевики одержали победу и не просто сформулировали новую Государственную идею для Московской империи, но и сформировали её.

В. Приблизительно к этому же времени были, пока еще штрих пунктирно, сформулированы и сформированы общие контуры государственной идеологии. Да, некоторым, слишком уж свободолюбивым гражданам, а в большинстве своём, слишком уж яростным противникам победившей государственной идеи большевиков, новая государственная идеология ну никак не могла понравиться. Это – их несчастье, а, может быть, и счастье. Но так уж устроено любое (!) государство: какова идея – такова и идеология.

Г. Следующим действом, не шагом, а именно действом, в государственном строительстве должна была стать (и стала) выработка технологических, множественных процессов, с помощью которых должна была быть реализована большевистская государственная идея, украшенная и пропитанная соответствующей государственной идеологией.

Д. И на XIII съезде РКП (б) в мае 1924 года, в тяжелый год смерти В. И. Ленина (21 января 1924), за полтора года (!) до XIV съезда РКП (б), съезда индустриализации, большевики вдруг решили организовать тщательный контроль партии с еще не созданной литературе для детей. О чём говорит этот гениальный ход большевиков?

- Об уверенности в своём будущем и в будущем дела революции;

- О том, что это будущее должны будут создавать дети, которым нужно дать соответствующее воспитание и образование;

- О том, что детская литература является одним из главных помощников в этом деле;

- О том, что созданная в 1922 году Всесоюзная пионерская организация должна играть в этом важнейшую роль…

И здесь противники большевиков могут возопить: «И детская литература в те годы стала пионерской, то есть сильно векторной. И о высокой литературе большевики не думали.

Но достаточно вспомнить творчество А. Гайдара, чтобы опровергнуть эти утверждения.

И достаточно вспомнить великого Сократа, чтобы убедить в том, что подобные идеи, даже куда более жёсткие, возникали в истории человечества не раз. Повторяю: есть идея, ей должны соответствовать идеология и технология реализации любой государственной идеи.

Сократ о детской литературе

Государство растит людей:

прекрасное – хороших,

противоположное – дурных.

Сократ

(Платон. Том 1. С. 146).

Параллели

Прежде чем рассказать о том, что говорил Сократ о детской литературе, необходимо напомнить читателю о некоторых историологических параллелях греческой и русской истории.

После Троянской войны на ослабленный Балканский полуостров, где доживала свой век Микенская ветвь мировой цивилизации, началось «дорийское нашествие». Старый мир был разрушен. Началось создание нового мира, который явился прекрасным симбиозом ахейской, дорийской и других культур.

Во времена Гомера, Гесиода и Солона начался расцвет греческой культуры. Во времена Гераклита, Софокла, Эсхила, Еврипида, Перикла, Фидия, Сократа… греческая культура достигла апофеоза. От захвата войском Агамемнона поверженной Трои (приблизительно 1200 год до н.э.) до смерти Сократа (399 год до н.э.) прошло восемь столетий.

Сократ не причуды ради первым заговорил об этических, эстетических проблемах, о прекрасном, о благе. Сын повивальной бабки и камнереза с удивительной точностью почувствовал в социальной жизни Афин и всего греческого мира процессы внутреннего

гниения. Он много говорил о познании первопричин прекрасного, блага, он пытался проникнуть в причины причин, в тайны тайн. Он много говорил о душе. Он говорил о главном для человека, общества, государства.

Очень разные ученики, которые после его смерти создадут творческие школы и направления, слушали его внимательно и заворожено, но никто из них – даже великий Платон! – не понимали своего учителя. Более того, в практических делах почти все они действовали слишком примитивно, как того и требуют практические, великие и невеликие, дела. И это началось еще при жизни Сократа, о чем говорят судьбы Алкивиада и Ксенофонта. И это продолжилось после смерти основателя майевтики, диалогического метода познания истины, о чем говорят попытки Платона повлиять на ход политической жизни в Сицилии. И при жизни Сократа начались мощные внутренние потрясения в Афинах и во всем греческом мире. И никто из греков, кроме Сократа, не понял, что это – начало конца.

После смерти сына повивальной бабки Афины и другие города-полисы Греции, так и не восприняв главных его идей, медленно покатились к пропасти. Там поджидал их Александр Македонский.

… В 1242 году славянские княжества, ослабленные междоусобицей, проиграли войну потомкам Чингисхана. Одна из ветвей мировой цивилизации, Древнерусское государство, прекратила существование, и на огромных пространствах Восточной Европы начался создаваться новый мир, возводиться остов нового государства. Во времена Петра Великого, Ломоносова, Карамзина … это государство обрело устойчивые черты державы имперского типа. Во времена от А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова до М. А. Шолохова и С. П. Королева Московская империя достигла вершины расцвета и могущества. От нашествия Орды до полета Юрия Гагарина прошло около семи с половиной веков. Почти, как и у греков от захвата Трои до прозрений Сократа.

Разница между греками и обитателями Московской империи состоит лишь в том, что одни предпочитали полисное устройство, другие строили крупную молекулу на теле Земли, державу имперского типа. Но ни те, ни другие в своих пристрастиях не повинны, потому что они, не сознавая этого, выполняли заказ ее Величества Истории. Она по каким-то причинам, заказала в VIII – III века до н.э. города-государства. Она же

навязала людям в XV веке государства имперского типа. Повторюсь, греки и граждане Московской империи выполняли заказ Истории. Выполнили. Накопили богатейший опыт в государственном строительстве, в военном деле, в науке, культуре, инженерии, философии, литературе. Казалось, и тем и другим нужно было воспользоваться своим же собственным опытом и идти дальше, никому не мешая.

С греками этого не произошло.

Почему? Может быть потому, что они не прислушались к Сократу?

В диалоге «Государство» Платон излагает мысли своего учителя об идеальном государстве, в том числе и том, как в нем будет поставлено дело с воспитанием детей, с искусством, литературой.

Чтобы у читателя не возникло сомнение по поводу того, кому принадлежат эти идеи: Сократу или Платону, я напомню признание Широкого, написавшего в письме Дионисию: ««Я никогда ничего не писал о таких вещах, и на свете нет и не будет никакой Платоновой записи; а то, что теперь читают, - это речи Сократа, когда он еще молодой был прекрасен». (Платон. Собрание сочинений четырех томах. Том 4. М., 1994. С. 465).

Мысли Сократа и русская детская литература начала XXI века

Так вот, неужели только за поэтами надо смотреть и обязывать их либо воплощать в своих творениях нравственные образы, либо уж совсем отказаться у нас от творчества? Разве не надо смотреть и за остальными мастерами и препятствовать им воплощать в образах что-то безнравственное, разнузданное, низкое и безобразное? Кто не в состоянии выполнить это требование, того нам нельзя допускать к мастерству, иначе наши стражи, воспитываясь на изображениях порока, словно на дурном пастбище, много такого соберут и поглотят – день за днем, по мелочам, но в многочисленных образцах, и из этого незаметно для них самих составится в их душе некое великое единое зло. Нет,

надо выискивать таких мастеров, которые по своей одаренности способны проследить природу красоты и благообразия, чтобы нашим юношам подобно жителям здоровой местности все шло на пользу, с какой бы стороны не представилось их зрению и слуху что-либо из прекрасных произведений: это словно дуновение из благотворных краев, несущее с собой здоровье и уже с малых лет незаметно делающее юношей близкими прекрасному слову и ведущее к дружбе и согласию с ним…

В этом главнейшее воспитательное значение мусического искусства, оно всего более проникает вглубь души и всего сильнее затрагивает; ритм и гармония несут с собой благообразие, а оно делает благообразным и человека, если он правильно воспитан, если же нет, то наоборот. Кто в этой области воспитан как должно, тот очень остро воспримет разные упущения и недостатки в природе и искусстве. Его раздражение или, наоборот, удовольствие будут правильными; он будет хвалить то, что прекрасно, и, приняв его в свою душу, будет питаться им и сам станет безупречным; а безобразное он правильно осудит и возненавидит с юных лет, раньше даже, чем сумеет воспринять разумную речь; когда же придет пора такой речи, он полюбит ее, сознавая, что она ему свойственна по воспитанию». (Том 3. 167 – 168).

«…В наше государство поэзия принимается лишь постольку, поскольку это гимны богам и хвала добродетельным людям. Если же ты допустишь подслащенную Музу, будь то мелическую или эпическую, тогда в этом государстве воцарятся у тебя удовольствие и страдание вместо обычая и разумения, которые, по общему мнению, признавались наилучшим». 404.

«Риторы и знатоки законов «своим искусством не поучают, но, убеждая, внушают то мнение, которое им угодно». (Том 2, С. 263).

«Разве ты не знаешь, что во всяком деле самое главное – это начало, в особенности, если это касается чего-то юного и нежного. Тогда всего вернее образуются и укореняются те черты, которые кто-либо желает там запечатлеть». (Том 3. С. 140).

«Разве можем мы так легко допустить, чтобы дети слушали и воспринимали душой, какие попало и кем попало выдуманные мифы, большей частью противоречащие тем мнениям, которые, как мы считаем, должны быть у них, когда они повзрослеют?». (Там же. С. 140).

«Прежде всего, нам, вероятно, надо смотреть за творцами мифов: если их произведение хорошо, мы допустим его, если же нет – отвергнем. Мы уговорим воспитательниц и матерей рассказывать детям лишь признанные мифы, чтобы с их помощью формировать души детей скорее, чем их тела – руками. А большинство мифов, которые они теперь рассказывают, надо отбросить». (Том 3. С. 140).

Сократ забраковал творчество Гесиода, Гомера и остальных поэтов. На вопрос, что же ты им ставишь в упрек, он ответил:

«- Когда кто-нибудь, говоря о богах и героях, плохо их изобразит, словно художник, который нарисовал нисколько не похожими тех, чье подобие он хотел изобразить.

- Такого рода упрек правилен, но что мы под этим подразумеваем?

- Прежде всего, величайшую ложь, причем о самом великом, неудачно выдумал тот, кто сказал, будто Уран совершил поступок, упоминаемый Гесиодом, и будто Кронос ему отомстил. О делах же Кроноса и о мучениях, которые он претерпел от сына, даже если бы это было правдой, я не считал бы нужным так запросто рассказывать тем, кто еще неразумен и молод, - гораздо лучше обходить это молчанием, а если уж и нужно почему-либо рассказать, так пусть лишь весьма немногие выслушивают это втайне и при этом принесут в жертву не поросенка, но что-то большее и труднодоступное, чтобы рассказ довелось услышать как можно меньшему числу людей».

«… - Нельзя рассказывать юному слушателю, что, поступая крайне несправедливо, он не совершает ничего особенного, даже если он всячески карает своего совершившего проступок отца, и что он просто делает то же самое, что и первые, величайшие боги».

«… - Как и вообще о том, что боги воюют с богами, строят козни, сражаются – да это и неверно; ведь те, кому предстоит стоять у нас на страже государства, должны считать величайшим позором, если так легко возникает взаимная вражда. Вовсе не следует излагать и расписывать битвы гигантов и разные другие многочисленные раздоры богов и героев с их родственниками и близкими, напротив, если мы намерены внушить

гражданам такое убеждение, чтобы никогда никто из них не питал вражды к другому и что это было бы нечестиво, то об этом-то и должны сразу же и побольше рассказывать детям и старики, и старухи, да и потом, когда дети подрастут; и поэтов надо заставить об этом писать в своем творчестве. А о том, что на Геру наложил оковы ее сын, что Гефест был сброшен с Олимпа собственным отцом, когда тот избивал его мать, а Гефест хотел за нее заступиться, или о битвах богов, сочиненных Гомером, - такие рассказы недопустимы в нашем государстве, неважно, сочинены они с намеком или без него. Ребенок не в состоянии судить, где содержится иносказание, а где нет, и мнения, воспринятые им в том раннем возрасте, обычно становятся неизгладимыми и неизменными. Вот почему, пожалуй, более всего надо добиваться, чтобы первые мифы, услышанные детьми, самым заботливым образом были направлены к добродетели».

«… - Не дело основателей самим творить мифы, им достаточно знать, какими должны быть основные черты поэтического творчества и не допускать их искажения».

«… - Нельзя позволить утверждать поэту, будто люди бедствуют, подвергаясь наказанию, а тот, от которого это зависит, - бог. Однако, если бы поэты сказали, что люди эти нуждались в каре и что бедствуют только порочные, которые, подвергаясь наказанию, извлекают для себя пользу от бога, это можно допустить. Но когда говорят, что бог, будучи благим, становится для кого-нибудь источником зла, с этим надо всячески бороться: - никто ни юноша, ни взрослый, если он стремится к законности в своем государстве, - не должен ни говорить об этом, ни слушать ни в стихотворном, ни в прозаическом изложении, потому что такое утверждение нечестиво, не полезно нам и противоречит самому себе… Это был бы один из законов и одно из предначертаний относительно богов: сообразно с ним и в речах, и в поэтических произведениях следует утверждать, что бог – причина не всего, а только блага». (Том 3. С. 140 – 144).

«И у нас вызовет негодование тот, кто станет говорить подобные вещи о богах, мы не дадим ему хора и не позволим учителям пользоваться такими сочинениями при воспитании юношества, так как стражи должны у нас быть благочестивыми и божественными, насколько это под силу человеку». (Том 3. С. 148).

«Мы извиняемся перед Гомером и остальными поэтами – пусть они не сердятся, если мы вычеркнем эти и подобные им стихи, и не потому, что они непоэтичны и неприятны большинству слушателей, нет, наоборот: чем более они поэтичны, тем менее следует их слушать и детям и взрослым, раз человеку надо быть свободным и больше смерти страшиться рабства». (150).

«Кроме того, следует отбросить и все связанные с этим страшные, пугающие обозначения – «Кокит», «Стикс», «покойники», «усопшие» и так далее, отчего у всех слушателей волосы встают дыбом. Возможно, что все это пригодно для какой-нибудь другой цели, но мы опасаемся за наших стражей, как бы они не сделались у нас от таких потрясений чересчур возбудимыми и чувствительными». (Том 3. С. 150).

«Мы правильно исключили бы плачи знаменитых героев, предоставив их женщинам, и то несерьезным, да разве еще и никчемным мужчинам. Таким образом, те, кого мы… воспитываем для охраны страны, считали бы возмутительным прибегать к этому». (Том 3. С. 151).

«Нет ничего более божественного в решениях людей, чем то, что касается воспитания – самого ли человека или членов его семьи». (Том 1. С. 113).

«Они (лакедемоняне – А. Т.), как и критяне, не позволяют своим юношам отправляться в другие земли, чтобы те не разучились тому, чем они учат сами» (Том 1. С. 454).

«Вот что будет стоять перед глазами у того оратора, искусного и честного: какие бы речи он не произносил, воздействуя на души, какие бы поступки не совершал и что бы ни дарил, ни отнимал – и даря, и отнимая, он постоянно будет озабочен тем, как поселить в душах сограждан справедливость и изгнать распущенность и вообще поселить все достоинства, а все пороки удалить». (Том 1. С. 549).

Глава 4. Лучшие произведения отечественной детской литературы более демократичными, нежели произведения так называемой взрослой литературы.

Глава 5. Прозаики. Короткий список

Короленко, Владимир Галактионович (1853—1921)

Горький Максим, настоящее имя - Пешков Алексей Максимович (1868 - 1936)

Куприн Александр Иванович (1870-1938)

Андреев Леонид Николаевич (1871-1919)

Алтаев, Ал. (1872—1959) (псевдоним Маргариты Владимировны Ямщиковой, урожденной Рокотовой)

Пришвин Михаил Михайлович (1873—1954)

Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957)

Писахов Степан Григорьевич (1879—1960)

Грин (настоящая фамилия Гриневский) Александр Степанович (1880 - 1932)

Житков Борис Степанович (1882-1938)

Сказкин (наст. фам. — *Лебедев*), Михаил Ананьевич (1883-1967)

Толстой Алексей Николаевич (1883 — 1945)

Сеифуллина Лидия Николаевна (1889-1954)

Волков Александр Мелентьевич (1891-1977)

Фраерман Рувим Исаевич (1891—1972)

Паустовский Константин Георгиевич (1892-1968)

Бианки Виталий Валентинович (1894— 1959)

Зощенко Михаил Михайлович (1894-1958)

Шварц Евгений Львович (1896—1958)

Шергин Борис Викторович (1896-1973)

Катаев Валентин Петрович (1897 - 1986)

Андрей Платонов (настоящая имя Андрей Платонович Климентов; 1899-1951)

Олеша Юрий Карлович (1899–1960)

Елена Ильина (Лия Яковлевна Прейс) (урождённая Маршак, 1901-1964)

Чарушин Евгений Иванович (1901 — 1965)

Каверин Вениамин Александрович (1902–1989)

Осеева Валентина Александровна (1902-1969)

Пермяк Евгений Андреевич (настоящая фамилия Виссов; 1902-1982)

Гайдар Аркадий Петрович (1904–1941)

Луговской Иннокентий Степанович (1904-1982)

Гавриил Николаевич Троепольский (1905—1995)

Кассиль Лев Абрамович (1905-1970)

Панова Вера Федоровна (1905-1973)

Шолохов Дмитрий Александрович (1905-1984)

Л. Пантелеев (настоящее имя — Алексей Иванович Еремеев) (1908-1987)

Носов Николай Николаевич (1908—1976)

Сергей Венедиктович (1908—2005)

Рыбаков Анатолий Наумович (1911—1998)

Ямпольский Борис Самойлович (1912-1972)

Драгунский Виктор Юзефович (1913-1972)

Розов Виктор Сергеевич (1913-2004)

Кешоков Алим Пшемахович (1914-2001)

Сотник Юрий Вячеславович (1914-1997)

Зубавин Борис Михайлович (1915-1981)

Орлов Владимир Иванович (1916-1974)

Нагибин Юрий Маркович Нагибин (1920-1994)

Сладков Николай Иванович (1920-1996)

Маркуша Анатолий Маркович (Арнольд Маркович Лурье) (1921-2005)

Алексеев Сергей Петрович (1922-2008)

Яковлев Юрий Яковлевич (1922-1995)

Алексин Анатолий Георгиевич (1924-)

Астафьев Виктор Петрович (1924-2001)

Коршунов Михаил Павлович (1924-2003)

Стругацкие Аркадий Натанович (1925-1991) и Борис Натанович (1933-2012)

Дмитриев (псевд.; наст. фам. — *Эдельман*), Юрий Дмитриевич (1925-1989)

Железников Владимир Карпович (1925-2015)

Погодин Радий Петрович (1925—1993)

Трифонов Юрий Валентинович (1925-1981)

Баруздин Сергей Алексеевич (1926-1991)

Дружков (Постников) Юрий Михайлович (1927-1983)

Рекемчук Александр Евсеевич (1927-)

Санин Владимир Маркович (1928-1989)

Акимушкин Игорь Иванович (1929-1993)

Голявкин Виктор Владимирович (1929–2001)

Граубин Григорий Рудольфович (1929-2011)

Токмакова Ирина Петровна (1929-)

Приставкин Анатолий Игнатьевич (1931-2008)

Снегирёв Геннадий Яковлевич (1933-2004)

Кир Булычёв (Игорь Всеволодович Можейко) (1934-2003)

Гладилин Анатолий Тихонович (1935-)

Лиханов Альберт Анатольевич (1935-)

Рубцов Николай Михайлович (1936-1971)

Гусев Владимир Иванович (1937-)

Чудакова Мариэтта Омаровна (1937-)

Коваль Юрий Иосифович (1938–1995)

Крапивин Владислав Петрович (1938-)

Петрушевская Людмила Стефановна (1938-)

Иванов Сергей Анатольевич (1941—1999)

Москвина Марина Львовна (1954-)

Минаев Борис Дорианович (1959-)

Драгунская Ксения Викторовна (1965-)

Поэты

Саша Черный (1880-1932).

Чуковский Корней Иванович (1882-1969).

Даниил Иванович Ювачев (1905 — 1942), Даниил Хармс.

Барто Агния Львовна (1906—1981).

Михалков Сергей Владимирович (1913 - 2009).

Заходер Борис Владимирович (1918-2000).

Аким Яков Лазаревич (1923-2013).

Берестов Валентин Дмитриевич (1928-1998).

Сапгир Генрих Вениаминович (1928—1999).

Токмакова Ирина Петровна (1929-).

Сеф Роальд Семенович (1931-2009).

Матвеева Новелла Николаевна (1934-).

Рубцов Николай Михайлович (1936-1971)

Кушак Юрий Наумович (Нахимович) (1936—2016).

Успенский Эдуард Николаевич (1937-).

Левин Виктор Владимирович (псевдоним – Виктор Лунин) (1945-).

Яснов Михаил Давидович (1946-).

Степанов Владимир Александрович (1949-).

Усачев, Андрей Алексеевич (1958-).

Тим Собакин (Иванов Андрей) (1958-)